

Published in the Russian Federation
 Oriental Studies (Previous Name: Bulletin of the Kalmyk Institute for
 Humanities of the Russian Academy of Sciences)
 Has been issued as a journal since 2008
 ISSN: 2619-0990; E-ISSN: 2619-1008
 Is. 2, pp. 298–306, 2019
 DOI: 10.22162/2619-0990-2019-42-2-298-306
 Journal homepage: <https://kigiran.elpub.ru>

УДК 811.512.37

О лексико-семантической группе названий домашних животных в языке калмыцких законодательных памятников (XVII–XIX вв.)

Дарья Бадмаевна Гедеева¹

¹ Калмыцкий научный центр РАН (д. 8, ул. им. И. К. Илишкина, 358000 Элиста, Российская Федерация)
 кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник
 ORCID: 0000-0002-8735-9184. E-mail: dgedeeva@mail.ru

Аннотация. *Введение.* В данной статье мы рассматриваем названия домашних животных, встречающиеся в калмыцких законодательных памятниках XVII–XIX вв. В текстах уложений встречаются лексические единицы, обозначающие не только самих животных, но и возраст и пол. Названия животных употребляются во фрагментах, описывающих штрафы, назначаемые за различные преступления, а также когда речь идет о животных как объекте преступления. *Актуальность* исследования обусловлена неизученностью лексики таких интересных, информативно насыщенных исторических документов, как сборники законов, которыми руководствовались в прошлых столетиях калмыки. *Цели и задачи исследования* — выявить и описать названия домашних животных, встречающиеся в тексте правовых уложений. *Материалом* исследования послужили законодательные документы, которым пользовались калмыки в XVII–XIX вв. *Результаты.* Выявлены и описаны названия домашних животных, встречающиеся в калмыцких законодательных памятниках. Определено количественное соотношение употреблений в них названий животных. Показано, что градация штрафа зависела согласно монгольскому законодательству не только от тяжести преступления, но и от социального положения ответчика в обществе и, соответственно, от его материального достатка. Указанные уложения отражают не только уголовное, гражданское, военное и религиозное права калмыков, но и экономику общества того времени, а если сравнить между собой правовые уложения, относящиеся к разным периодам времени, то можно проследить его экономическое состояние в динамике. Так, если в памятнике XVII в. «Великое Уложение» указывался штраф размером в сотни и тысячи голов животных, то в памятнике XVIII в. «Духовные и светские законы» в штрафе указывается не количество животных, а только их возраст, поскольку к этому периоду штраф уже состоял только из одного животного. *Выводы.* Лексика, связанная с названиями домашних животных и встречающаяся в текстах правовых уложений, свидетельствует о том, что в исследуемый период калмыки разводили четыре вида скота: верблюдов, лошадей, крупный рогатый скот и овец. Фрагменты, описывающие размеры штрафов, свидетельствуют о постепенном сокращении поголовья скота у калмыков на территории России. Тексты уложений разных периодов показывают сохранение в практике судопроизводства традиции наказания уплатой штрафа скотом, но не лишением свободы.

Последнее наиболее болезненно воспринималось калмыками, не привыкшими к ограничению физической свободы.

Ключевые слова: законодательные памятники, названия домашних животных, животноводческая лексика, кража, штраф, наказание, четыре вида скота

Благодарности. Исследование проведено в рамках государственной субсидии — проект «Устное и письменное наследие монгольских народов России, Монголии и Китая: трансграничные традиции и взаимодействия» (номер госрегистрации: АААА-А19-119011490036-1).

Для цитирования: Гедеева Д. Б. О лексико-семантической группе названий домашних животных в языке калмыцких законодательных памятников (XVII–XIX вв.). *Oriental Studies*. 2019;(2):298-306. DOI: 10.22162/2619-0990-2019-42-2-298-306.

UDC 811.512.37

Revisiting a Lexical-Semantic Group of Names of Livestock Species in Kalmyk Legislative Monuments: 17th to 19th Centuries

*Daria B. Gedeeva*¹

¹ Kalmyk Scientific Center of the RAS (8, Ilishkin St., Elista 358000, Russian Federation)

Cand. Sc. (Philology), Leading Research Associate

ORCID: 0000-0002-8735-9184. E-mail: dgedeeva@mail.ru

Abstract. Introduction. The article examines names of livestock species traced in 17th–19th-century legislative monuments of the Kalmyks. The texts describe not only animals as such but also physiological conditions of theirs, such as age and sex. Names of livestock species are to be found within lexical clusters dealing with penalties (mulcts) for different crimes and misdeeds, including ones where animals acts as targets of crime. *Topicality* of the research is determined by the absence of studies dealing with vocabulary of such interesting informative historical documents as codes of laws used by Kalmyks for centuries. *Goal and objectives* of the research is to discover and describe names of domestic animals in texts of legal codes. Materials of the research are based on legal documents used by Kalmyks in the 17th to 19th centuries. *Findings.* The paper reveals names of domestic animals described in Kalmyk legal documents, defines a quantitative ratio of the usage of names of domestic animals. It shows that according to the Mongolian legal system the gradation of fines (penalties) had depended not only on gravity of offence but also on the social position of the defendant and also on his/her material wealth. The given statements reflect not only criminal, civil, military and religious rights of Kalmyks but also the economy of the society during that period; it is possible to trace the dynamics of the society's economic conditions if legal codes from different periods be compared. mentions penalties at the rate of hundreds and even thousands livestock units, and the 18th-century *Spiritual and Civil Laws* mention not numbers but just age of livestock to be paid since the penalty was equal to one livestock unit only. *Conclusion.* The vocabulary of domestic animals from the legal codes illustrates that Kalmyks bred four types of the livestock, namely: camels, horses, cattle, and sheep. The fragments describing sizes of fines reveal gradual reduction of the livestock in Kalmyk households in Russia. The texts of the legal codes from different periods show that the court practice maintained the tradition to punish offenders with the cattle fine and not with imprisonment. The latter was perceived most painfully by Kalmyks who were not used to being deprived of physical freedom. **Keywords:** legislative monuments, names of livestock species, theft, mulct, fine, penalty, four species of livestock

Acknowledgements: Research was performed within a government subsidy — project name ‘Oral and Written Heritage of Mongolic Peoples of Russia, Mongolia and China: Cross-Border Traditions and Interactions’ (State Reg. No. АААА-А19-119011490036-1)

For citation: Gedeeva D. Revisiting a Lexical-Semantic Group of Names of Livestock Species in Kalmyk Legislative Monuments: 17th to 19th Centuries. *Oriental Studies*. 2019;(2):298-306. DOI: 10.22162/2619-0990-2019-42-2-298-306.

Введение

Калмыки как кочевой народ традиционно разводили четыре вида скота: верблюдов, лошадей, коров и овец. Скот являлся для них не только средством пропитания, но и средством платежа и накопления. Как источник богатства он передавался по наследству, давался в приданое, распределялся между детьми. При правовых нарушениях он использовался также в виде штрафа.

Названия животных в языках народов мира представляют собой лексический пласт древнего происхождения, так как древнейшими видами хозяйства присваивающего типа являлись собирательство и охота. Названия домашних животных, связанные с общевидовыми названиями, восходят также к этапу освоения человеком одного из двух типов производящего хозяйства — скотоводства.

Лексика, обозначающая домашних животных, периодически изучается калмыковедами-лингвистами, но специальных работ, посвященных калмыцким названиям, практически нет. Она рассматривалась исследователями при изучении животноводческой лексики в монгольских языках, очень часто — в свете тюркско-монгольских языковых связей.

Так, в своей монографии, посвященной изучению истории калмыцкого языка, а также в отдельных своих статьях Ц.-Д. Номинханов приводит именные параллели, в частности названия домашних животных в монгольско-тюркских языках. [Номинханов 1959; 1975]. Э. Ч. Бардаевым в кандидатской диссертации, в которой исследуется лексика кочевого хозяйства монгольских народов, описаны названия домашних животных по полу, возрасту и масти. В своих дальнейших работах он также продолжал изучать происхождение, структуру и семантику указанной лексики [Бардаев 1976а; 1976б].

Лексика, связанная с названиями домашних животных, в разной степени нашла отражение в словарях [КРС 1977; Очир-Гарев 1990; Тодаева 2001; Манджикова 2002].

Г. Ц. Пюрбеев дает толкование названиям домашних животных в словаре традиционного быта калмыков [Пүрбэн 1996].

В. И. Рассадин обращается к скотоводческой лексике монгольских народов в связи с общими монгольско-тюркскими языковыми связями [Рассадин 2010], в отдельных работах ученый рассматривает в этом же аспекте номадную лексику калмыцкого языка [Рассадин 2011]. По мнению В. И. Рассадина, «лексика номадного скотоводства монгольских языков достаточно хорошо демонстрирует заимствование соответствующих тюркских терминов. Появление тюркизмов этого комплекса можно объяснить следующим образом. Часть протобулгарских племен (с самоназванием *огур* <...>) кочевали в глубокой древности в степях Центральной Азии и занимались молочным скотоводством. Будучи завоеваны монголами и включены в их этнический состав, огурские племена образовали среди них особую этническую группу, получившую смешанное название *огур монгол* (ср. современное х.-монг. *оор монгол* 'настоящий монгол'). Со временем они перешли на монгольский язык (по сути дела, на язык адстрата). При этом омонголенные огуры сохранили очень много элементов своего протобулгарского языка-субстрата, в том числе и свою номадную скотоводческую терминологию, и внесли их в усвоенный ими древний монгольский язык, который вследствие этого получил смешанный характер» [Рассадин 2010: 37].

Калмыцкой животноводческой лексике, в том числе названиям домашних животных, также посвящена В. Н. Манджиевой [Манджиева 2012], которая отмечает, что этот терминологический пласт составляет существенную часть словарного фонда калмыцкого языка и не различается по говорам [Манджиева 2012: 211], а также пишет: «Калмыки традиционно разводят пять видов скота (калм. *тави хошу мал*): лошадей, коров, верблюдов, овец и коз. Исследование лексики, относящейся к этим пяти видам скота, представляют особую ценность» [Манджиева 2002: 209]. Здесь автор, следующий монгольской традиции — среди монголов распространены пять видов скота — не прав: в отличие от родственных народов, калмыки, как отмечалось выше, разводили четыре вида скота и не включали в основное

понятие пятый вид скота, наличествующий среди других монгольских народов — коз [Калмыки 2010: 77, 332 и др.].

К сожалению, исследуемый нами пласт лексики не был объектом специальной работы, и информации употребления его в различных жанрах письменной литературы у нас нет. Такое изучение лексики могло бы дать интересный материал как лингвистам, так и исследователям, изучающим быт, хозяйство, материальную культуру калмыков. В этой связи нами рассмотрено употребление данной лексики в деловых документах прошлых столетий, в частности в правовых уложениях.

В данной статье нами поставлена **цель** — описать названия домашних животных, определить их место в языке калмыцких законодательных памятников XVII–XIX вв.

Основная часть

Материалом для исследования послужили правовые документы *yeke ca:ji* ‘Великое уложение’ (1640 г.)¹ [Их Цааз 1981], *šaġin töröyün zarčim* ‘Духовные и светские законы’ (сер. XVIII в.)² [Голстунский 1880], *хоуор түмөн церигийүн зарчим* ‘Уложение 20-тысячного войска’ (1769 г.)³ [Гедее-

¹ Сборник законов, составленный в 1640 г. на съезде монгольских и ойратских князей и духовенства на территории Джунгарии. Съезд был собран для консолидации монгольских сил перед маньчжурской угрозой, для урегулирования общественных отношений при осуществлении правовых норм. На съезде присутствовали Хо-Орлюк с сыновьями, прибывшие из своих волжских кочевий [Златкин 1983].

² Свод законов (калмыцкое название: «*Шаġн төрин зарчим*») был составлен при калмыцком хане Дондук Даши (1690–1761). В продолжение общемонгольских традиций в правовой системе новые законы составлены с учетом экономических и политических условий, в которых пребывали калмыки на территории России в тот период. Калмыцкий текст законов опубликован К. Ф. Голстунским в его труде «Монголо-ойратские законы 1640 г., дополнительные указы Галдан хун-тайджия и законы, составленные для волжских калмыков при калмыцком хане Дондук-Даши» [Голстунский 1880].

³ Свод законов, или своего рода воинский устав, написан для 20-тысячного калмыцкого войска, выступившего (в 1769 г.) в поход под командованием нойона Кирипа в составе рус-

ва 2003], «Зинзилинские постановления» (1822 г.)⁴ [Позднеев 1907].

Лингвистические исследования калмыцких текстов, относящихся к правовым вопросам и судопроизводству калмыков XVII–XIX вв., почти не проводятся. Можно лишь назвать ряд статей Д. Б. Гедеевой, посвященных правовой и бытовой лексике и некоторым грамматическим вопросам языка законодательных памятников [Гедеева 1997; 2012; 2013].

Имущественный вид наказания, связанный с главным источником богатства — скотом, являлся основным в правовой системе калмыков и детально прописан в законодательных документах. В этих текстах встречаются названия всех видов скота, которые традиционно разводили калмыки в своих кочевьях. Здесь они большей частью используются для обозначения состава штрафа, уплачиваемого виновником преступления.

Самый ранний из этих памятников *yeke ca:ji* ‘Великое Уложение’, созданный монгольскими и ойратскими князьями, отличается от последующих калмыцких памятников большим объемом и более обширным пластом исследуемой лексики.

Так, лексема *morin* ‘лошадь’ встрети-лась в тексте 73 раза, *хойин* ‘овца’ — 43, *теме:n* ‘верблюды’ — 33, *үкер* ‘корова’ — 8 раз. В этом же лексическом ряду стоит лексема *adoun* в значении ‘табун’, которая

ской армии во время русско-турецкой войны (1768–1774). Представляет собой свод правил поведения воинов во время военного похода и наказаний за их нарушения. Документ на калмыцком языке выявлен нами в Национальном архиве Республики Калмыкия и введен в научный в 2003 г. [Гедеева 2003]. Калмыцкое название документа: «*Хоёр түмн цергин зарчим*» ‘Уложение 20-тысячного войска’.

⁴ Зинзилинские постановления (свод калмыцких законов) были составлены в 1822 г. представителями калмыцкой знати по результатам их собрания, проходившего в урочище Зинзили. Название «Зинзилинские постановления» появилось благодаря А. М. Позднееву, которым он обозначил опубликованный фрагмент созданного Уложения на калмыцком языке в своем труде «Калмыцкая хрестоматия для чтения в старших классах калмыцких народных школ» [Позднеев 1907]. Нахождение оригинала текста неизвестно.

встретилась 15 раз. Лексема *adoun* встречается в тексте с числительными, передающими только большое количество лошадей, в то время как слово *morin* встречается без числительного или с числительным, означающим небольшое количество: *mingyan adoun* ‘тысячный табун’, *tabun zoun adoun* ‘табун в пятьсот [лошадей]’, *zoun adoun* ‘табун в сто [лошадей]’, *tabin adoun* ‘табун в пятьдесят [лошадей]’, *yučin adoun* ‘табун в тридцать [лошадей]’, *xorin adoun* ‘табун в двадцать [лошадей]’, но *dörbön köl mörin* ‘четыре головы лошади’⁵, *yurban mörin* ‘три лошади’, *xoyor mörin* ‘две лошади’, *xoyor köl mörin* ‘две головы лошади’⁶, *nige mörin* ‘одна лошадь’, *mörin* ‘лошадь’. Лексема *adoun* употребляется в некоторых случаях без числительного: *dayisun ayil talaġi adou kö:ġi abuqsani ken kümün aldoulxula ed mali xayaslaya* ‘кто упустит неприятеля, разорившего аил и угонявшего табун, у того забрать половину хозяйства’ [Их Цааз 1981: 126]. Лексема *morin*, видимо, используется в тех случаях, когда речь идет о количестве лошадей, не образующем табун, примерно меньше десяти.

В тексте встречаются не только названия самих животных, но и их возраст и пол животного: *yunaġin* ‘трехлетняя корова’, *da:yan* ‘двухлетний жеребенок’, *xuryun* ‘ягненок’, *aġirya* ‘жеребец’, *buura* ‘верблюд-производитель’, *buxa* ‘бык’, *güün* ‘кобылица’.

Отдельного внимания требует лексема *bodo*, которая, согласно современным словарям, означает «крупный скот» [КРС 1977: 103]. В калмыцких законодательных памятниках, как и в современном языке, слово *bodo* означает ‘крупный скот’ и чаще упоминается в составе приданого невесты. Как отмечает С. П. Тюхтенева, проанализировавшая специально данный термин, «на протяжении многих столетий размер бодо менялся, что вполне объяснимо, имея в виду его характер всеобщего эквивалента (по аналогии с плавающими курсами национальных валют современности). Очевидно, что у разных народов тюрко-монгольского мира, проживавших в различных природно-климатических условиях, видовой состав скота и его количество существенно

отличались. Кроме того, в кухне у многих центральноазиатских кочевников баранина предпочтительнее мяса коз. Поэтому, вероятно, эквивалентом одного бодо было в разное время и у разных народов пять / шесть / семь овец или, в полтора-два раза больше, восемь / десять / четырнадцать коз. Неизменным был и остается сам принцип: бодо составляют несколько голов мелкого рогатого скота, более дешевого как с точки зрения товарности, так и воспроизводства (ягнята этого года рождения могут через год уже дать приплод), равноценные одной голове более ценного крупного рогатого скота, или одной голове транспортных животных — лошади [под седло] или верблюда [под выюк]. Дороже всего оценивался верблюд — судя по тому, что один верблюд приравнивался к двум бодо — как дольше всего воспроизводящееся животное» [Тюхтенева 2017: 133]. На наш взгляд, можно согласиться с исследователем в том, что *bodo* как обозначение крупного скота являлось в обычном праве, а затем и в законодательном (письменном) праве «экономическим» и «финансовым» термином, который условно обозначал «эквивалент», к которому в разные периоды приравнивалось определенное количество голов разных видов скота.

Вновь обращаясь к тексту письменного законодательного памятника, следует отметить, что названия животных встречаются в составе лексики, означающей не только наказания, но и объект преступления. Так, например, в тексте указаны штрафы за кражу некоторых животных, из чего можно узнать о градации ценности различных животных: *teme:ni yala arban tabun yesün.. aqta aġiryaġin arban yesün.. güünei nayiman yesün.. üker da:yan xoyin yurbuulayin zuryan yesü abxu bolbo* ‘штраф за верблюда — 15 девятков, мерина или жеребца — 10 девятков, кобылицу — 8 девятков, за корову, двухлетнего жеребенка и овцу — 6 девятков’ [Их Цааз 1981: 126]. Термин *yesün* ‘девятка’ означает единицу штрафа, состоящего из девяти животных. Кроме этой единицы, имеются еще *dolo:n* ‘долан’, *tabun* ‘пятерка’, *yurban* ‘тройка’. Наиболее употребительными являются *yesün* и *tabun*.

В значении общего понятия ‘скот, животное’ 54 раза употребляется лексема *mal: de:rme kümüni üzeġi bayıġi ese keleküle mali inu xayaslaya* ‘если кто-либо, увидев граби-

⁵ Букв. четыре ноги-лошадь. В монгольском языке у лексемы *köl* имеется также значение «поголовье» [БАРМС 2002: 121]. — прим. ред.

⁶ Букв. две ноги-лошадь. — прим. ред.

теля, не скажет об этом, то заберем у него половину скота' [Их Цааз 1981].

В значении 'скотина' дважды в одной статье «Великого Уложения» встретилась лексема *aduusun*.

Штрафы в данном уложении довольно крупные, что свидетельствует о многочисленности скота у монгольских народов того времени. Штраф за одно преступление обычно состоит из разных видов скота, имущества, а порой и людей: *dayisun-e:ce yeke noyod beye-be:r uduji duta:xula zoun xuyaq zoun teme: tabin örüke kümü mingyan adou abxu bolbo* 'если главные нойоны будут долго тянуться к месту сражения и не будут на нем сами присутствовать, то с них взять сто панцирей, сто верблюдов, пятьдесят семей, тысячу лошадей' [Их Цааз 1981].

Градация штрафа предполагалась по монгольскому законодательству не только по тяжести преступления, но и по социальному положению ответчика в обществе и, соответственно, по его материальному достатку. Так, например, о неприбытии войска на сражение с врагом в тексте документа сообщается следующее: *mongyol oyirodtu dayisun irebe:sü kele öq.. tere kele sonosçi bayiji zaxayin yeke noyod ese irebe:sü zoun xuyaq zoun teme: mingyan adou abxu.. bayu noyod ese irebe:sü arban xuyaq arban teme: zoun adou abxu bolbo* 'если к монголам и ойратам придет враг, следует сообщить. Если, услышав это сообщение, с пограничного края не придут главные нойоны, то с них взять сто панцирей, сто верблюдов, тысячу лошадей; если же не придут малые нойоны, то с них взять десять панцирей, десять верблюдов, сто лошадей' [Их Цааз 1981: 126].

Указанные уложения отражают не только уголовное, гражданское, военное и религиозное права калмыков, но и уровень хозяйства того времени, а если сравнить между собой правовые уложения, относящиеся к разным периодам времени, то можно проследить экономическое состояние калмыцкого общества в динамике. Уровень благосостояния общества можно определить по количественному и качественному составу штрафа. Так, штрафы в памятнике XVIII в. «Духовные и светские законы» свидетельствуют о количественном сокращении скота у калмыков в этот период по сравнению с предыдущим столетием. В штрафе указы-

вается не количество скота, как в раннем памятнике, а только возраст животного, поскольку штраф состоял уже только из одного животного: *dönön üker* 'четырёхлетняя корова', *γunan xoi* 'трехлетняя овца', *dönön mörin* 'четырёхлетняя лошадь', *γunan mörin* 'трехлетняя лошадь', *dönön teme:* 'четырёхлетний верблюд'.

В данном памятнике, написанном волжскими калмыками через сто лет после *yeke ca:ji* 'Великого Уложения', встречаются названия всех четырех видов скота, разводимых калмыками. Частотность употребления названий животных выглядит так: *teme:n* — 27, *mörin* — 27, *üker* — 5, *xoyin* — 6 раз. Общее слово *mal* 'скот' встретилось 14 раз. По одному разу встретились слова *aqta* 'мерин' и *adoun* 'табун'.

Об изменении штрафов в количественном составе свидетельствует, например, такая же статья о неприятеле, какая имеется и в 'Великом Уложении': *ali mordoxu cერიq zar kürüqse:r mordoxu kereqtei.. bolzo:ndo:n ese ireküne yoso:r ba:la.. noyon kümünei yesün.. sayidai dönön teme:n.. olondu taniqdaxu kümünei dönön möri.. olonki muuyai gunan üker* 'войско, готовое к походу, должно сразу выступить, как только получит приказ. Если же к сроку оно не прибывает, оштрафовать по закону. [Штраф] нойона — девятка, сайда — четырехлетний верблюд, известного в обществе человека — четырехлетняя лошадь, самого бедного человека — трехлетняя корова' [Голстунский 1880: 25]. Как видим, название животного встречается не с числительным, обозначающим его количество, как в предыдущем памятнике, а с прилагательным, передающим возраст животного, в основном трехлетнего *γunin* и четырехлетнего *dönön* возрастов.

В тексте встретилось слово *morin* в составе устойчивого выражения *mori üzekü* 'сходить в туалет' (в буквальном значении 'посмотреть свою лошадь'), которое относится к иносказательным выражениям, имеющим отношение к этикету кочевников.

В «Уложении 20-тысячного войска», созданном командованием калмыцкого войска во время военного похода в составе русской армии против турок в 1769 г., отражены преступления и правонарушения, обычно совершаемые воинами: дезертирство, кража, пьянство, нарушение приказа и т. д. Здесь, естественно, назначены нака-

зания, которые возможны в полевых условиях: *cokixu* 'бить', *milačixu* 'бить плеткой', *tamaɣa daraxu* 'ставить клеймо', а также денежный штраф *mönggö abxu* 'взять деньги'.

Текст военного уложения разбит на 9 статей. И единственная статья, в которой упоминаются названия животных — это третья, посвященная краже скота: *xalimaq oroso:so xuluyai keqsen küüni yala ca:ji zouna:sa ö:dö:n ünetei ed bolo:d morin üker xoyin yama:n ɣaxai tɣal išige xurɣun:edeni ali nigeyini xuluqči abuqsan küüni yalani : xalimaɣa:sa keqsen bolxuna mün üne:rni youmayini bosxoji ögö:d cerigiyin talaya:r talaxu : zasaqni yuči mila:či:d baroun xalxaduni kete tamaɣa daraxu* 'закон для человека, совершившего кражу у русских или калмыков, следующий: если украдет вещь или лошадь, корову, овцу, козу, свинью, теленка, козленка и ягненка, одно из перечисленных дороже ста монет, если при этом украл у калмыков, то восстановить по той же стоимости, оштрафовать по войсковому правилу, в наказание дать тридцать ударов, поставить тавро на правую щеку' [Гедеева 2003: 254].

Здесь упоминаются животные *morin* 'лошадь', *üker* 'корова', *xoyin* 'овца', *yama:n* 'коза', *ɣaxai* 'свинья', *tɣal* 'теленка', *išige* 'козленок', *xurɣun* 'ягненок'. Впервые упоминается *ɣaxai* 'свинья', животное, которое калмыками традиционно не разводилось. По всей вероятности, речь идет о краже у русских.

Законодательный памятник XIX в. «Зинзилинские постановления» до нас дошел в виде текста для чтения в «Калмыцкой хрестоматии для чтения в старших классах калмыцких народных школ» А. М. Позднеева. Текст на калмыцком языке представляет собой фрагмент уложения, без традиционного начала и конца, в которых обычно указываются авторы документа и его название [Позднеев 1907].

В тексте встретилось несколько названий животных. Все они употребляются для обозначения штрафов: *ɣunin teme:n* 'трехлетний верблюд', *dönön morin* 'четырёхлетняя лошадь', *ɣunin morin* 'трехлетняя лошадь', *ɣunin üker* 'трехлетняя корова', *dönön xoyin* 'четырёхлетняя овца'.

Названия домашних животных в текстах чаще всего употребляются в словосочетаниях с глаголом *av* 'возьми, заведи', *öq*

'отдай', *abxu bolbo* 'договорились забрать', *ökü bolbo* 'договорились отдать', *xaɣaslaɣu* 'забрать половину': *nige mori ab* 'забери одну лошадь', *nige üker ab* 'забери одну корову', *ɣunaɣi ab* 'забери трехлетнюю корову'. *ɣunan teme: öq* 'отдай трехлетнего верблюда', *xoyor teme:n tabun mori arban xoi abxu* 'забрать два верблюда, пять лошадей, десять овец', *köl moriyini abxu bolbo* 'договорились забрать одну лошадь', *zoun adou abxu bolbo* 'договорились забрать сто лошадей', *mal- inu xaɣaslaya* 'заберем половину скота'.

Выводы

Рассмотренная лексико-семантическая группа свидетельствует о том, что ее словарный состав был таким же, как и в современном языке. Лексическое окружение слов, семантика, структура исследуемых названий не изменились.

Письменные памятники права свидетельствуют о том, что в прежние столетия калмыками разводились четыре вида скота: верблюды, лошади, крупный рогатый скот и овцы. Однако происходило постепенное сокращение их поголовья.

Несмотря на влияние российской правовой системы на калмыцкое судопроизводство, калмыки сохраняли традицию наказания штрафом в виде уплаты скотом, не применяя наказание в виде ограничения физической свободы.

Литература

- Бардаев 1976а — Бардаев Э. Ч. О происхождении названий мелкого скота в языках монгольских народов // Вопросы грамматики и лексикологии современного калмыцкого языка. М.: Наука, 1976. С. 177–188.
- Бардаев 1976б — Бардаев Э. Ч. Номадная лексика монгольских народов (Названия домашних животных по полу, возрасту и масти): автореф. дисс. канд. филол. наук. М., 1976. 25 с.
- БАМРС 2002 — Большой академический монгольско-русский словарь. Т. 4. Х–Я / отв. ред. Г. Ц. Пюрбеев. М.: Academia, 2002. 532 с.
- Гедеева 1997 — Гедеева Д. Б. Названия участников судебного процесса в калмыцких законодательных памятниках (XVII–XVIII вв.) // VII Междунар. конгресс монголоведов (г. Улан-Батор, август 1997 г.). Докл. рос. делег. М., 1997. С. 116–118.
- Гедеева 2003 — Гедеева Д. Б. «Уложение 20-тысячного войска» как источник по изуче-

- нию военного права калмыков XVIII в. // *Mongolica*. Vol. 13 (34). Ulaanbaatar, 2003. С. 250–255.
- Гедеева 2012 — *Гедеева Д. Б.* О падежных показателях в языке письменного памятника «Зинзилинские постановления» (XIX в.) // *Mongolian language and culture and their urgent problems*. Vol. II. Улаанбаатар, 2012. С. 292–295.
- Гедеева 2013 — *Гедеева Д. Б.* Форманты множественного числа в языке калмыцких законодательных памятников XVII–XIX вв. // *Монгольские языки: история и современность*. Мат-лы междунар. науч. конф. (г. Санкт-Петербург, 21–23 октября 2013 г.). СПб: Нестор-История, 2013. С. 41–43.
- Голстунский 1880 — *Голстунский К. Ф.* Монголо-ойратские законы 1640 г., дополнительные указы Галдан-хун-тайджия и законы, составленные для волжских калмыков при калмыцком хане Дондук-Даши. СПб.: Тип. Имп. Академии наук, 1880. 16+144 с.
- Златкин 1964 — *Златкин И. Я.* История Джунгарского ханства (1635–1758). М.: Наука; ГРВЛ, 1983. 333 с.
- Их Цааз 1981 — *Их Цааз «Великое уложение»*. Памятник монгольского феодального права XVII в. (ойратский текст, транслитерация сводного ойратского текста, реконструированный монгольский текст и его транслитерация, перевод, введение и комментарий С. Д. Дылыкова). М.: Наука, 1981. 147 с.
- Калмыки 2010 — *Калмыки* / отв. ред. Э. П. Бакаева, Н. Л. Жуковская. М.: Наука, 2010. 568 с.
- Манджиева 2012 — *Манджиева В. Н.* Комплекс животноводческой лексики калмыцкого языка // *Историческая и социально-образовательная мысль*. 2012. № 6 (16). С. 209–211.
- Манджикова 2002 — *Манджикова Б. Б.* Толковый словарь калмыцкого языка (пособие для учащихся). Элиста: КИГИ РАН, 2002. 86 с.
- Номинханов 1959 — *Номинханов Ц.-Д.* Термины животноводства в тюркских и монгольских языках // *Труды сектора востоковедения*. Алма-Ата, 1959. Т. 1. С. 87–116.
- Номинханов 1975 — *Номинханов Ц.-Д.* Материалы к изучению истории калмыцкого языка. М.: Наука, ГРВЛ, 1975. 324 с.
- Очир-Гаряев 1990 — *Очир-Гаряев В. Э.* Калмыцко-русский и русско-калмыцкий терминологический словарь (Агрономия). Элиста: Калм. кн. изд-во, 1990. 85 с.
- Позднеев 1907 — *Позднеев А. М.* Калмыцкая хрестоматия для чтения в старших классах калмыцких народных школ, составленная А. Позднеевым. Изд. 2-е, испр. и доп. СПб.: Тип. Имп. Академии наук, 1907. 195 с.
- Пүрбэн 1996 — *Пүрбэн Г. Ц.* Хальмгудын заңшалта бээцин тээлвр толь (= Толковый словарь традиционного быта калмыков). Элст: Хальмг дегтр харһач, 1996. 175 с.
- Рассадин 2011 — *Рассадин В. И.* Скотоводческая лексика калмыцкого языка в сравнении с турецко-месхетинской // *Вестник Бурятского государственного университета*. 2011. № 8. С. 83–90.
- Рассадин 2010 — *Рассадин В. И.* Комплекс лексики калмыцкого скотоводства монгольских языков в свете тюркско-монгольских языковых связей // *Урало-алтайские исследования*. 2010. № 1 (2). С. 32–38.
- Тодаева 2001 — *Тодаева Б. Х.* Словарь языка ойратов Синьцзяна. Элиста: Калм. кн. изд-во, 2001. 494 с.
- Тюхтенева 2017 — *Тюхтенева С. П.* Одна черточка — одна сотня: к вопросу о способах подсчета скота у тюрко-монгольских народов // *Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН*. 2017. № 5. С. 130–140.

References

- Bardaev E. Ch. Names of small livestock species in Mongolic languages: origins revisited. [The modern Kalmyk language: questions of grammar and lexicology]. Moscow: Vost. Lit., Nauka, 1976. Pp. 177–188. (In Russ.)
- Bardaev E. Ch. [Nomadic vocabulary of Mongolic peoples: names of domestic animals by sex, age and coat color]. A Cand.Sc. (philology) thesis abstract. Moscow, 1976. (In Russ.)
- Gedeeva D. B. Terms to denote trial participants discovered in Kalmyk legislative monuments (17th – 18th cc.). [7th International Congress of Mongolists]. Reports of Russian scientists (Ulaanbaatar, August 1997). Moscow, 1997. Pp. 116–118. (In Russ.)
- Gedeeva D. B. The Code of 20-Thousand Troops as a source on the 17th-century military laws of the Kalmyks. *Mongolica*. Vol. 13 (34). Ulaanbaatar, 2003. Pp. 250–255. (In Mong.)
- Gedeeva D. B. The language of the 19th-century written monument ‘Zinzilinskie Decrees’: case markers revisited. Volume II. *Mongolian Language and Culture and Their Urgent Problems*. Ulaanbaatar, 2012. Pp. 292–295. (In Russ.)
- Gedeeva D. B. Plural formants in the language of 17th–19th-century Kalmyk legislative monuments. [Mongolic Languages: History and Contemporaneity]. Conf. proc. (St. Petersburg,

- 21-23 October 2013). St. Petersburg: Nestor-Historia, 2013. Pp. 41-43. (In Russ.)
- Golstunsky K. F. [The Oirat-Mongol laws of 1640 supplemented with Galdan Hong Tayiji's edicts and Donduk Dashi Khan's laws for Volga Kalmyks]. St. Petersburg: Imp. Acad. of Sc., 1880. 16+144 p. (In Russ.)
- Zlatkin I. Ya. [A history of the Dzungar Khanate (1635–1758)]. Moscow: Vost. Lit., 1983. 333 p. (In Eng.)
- [The Great Code of Laws: a 17th-century monument of Mongol feudal law]. S. D. Dylykov (Oirat text, translit., etc.). Moscow: Nauka, 1981. 147 p. (In Mong., Oir., Russ.)
- [The Kalmyks]. E. P. Bakaeva, N. L. Zhukovskaya (eds.). Moscow: Nauka, 2010. 568 p. (In Russ.)
- Mandzhieva V. N. The complex of cattle-breeding vocabulary of the Kalmyk language. Historical and Social-Educational Idea. 2012. No. 6 (16). Pp. 209–211. (In Russ.)
- Mandzhikova B. B. [An explanatory dictionary of the Kalmyk language (for students)]. Elista: Kalm. Hum. Res. Inst. of RAS, 2002. 86 p. (In Kalm. and Russ.)
- Nominkhanov Ts.-D. Livestock-breeding terms in Turkic and Mongolic languages. [Transactions of the Sector for Oriental Studies]. Almaty, 1959. Vol. 1. (In Russ.)
- Nominkhanov Ts.-D. [Studies in the history of the Kalmyk language: related materials]. Moscow: Nauka, Vost. Lit., 1975. 324 p. (In Russ.)
- Ochir-Garyaev V. E. [A Kalmyk-Russian and Russian-Kalmyk terminological dictionary: agronomical science]. Elista: Kalm. Book Publ., 1990. 85 p. (In Russ.)
- Pozdneev A. M. [A Kalmyk literature reader for senior pupils of Kalmyk public schools comp. by A. Pozdneev]. 2nd ed., rev. and suppl. St. Petersburg: Imp. Acad. of Sc., 1907. 195 p. (In Kalm.)
- Pürbän G. Ts. [Traditional lifestyles of the Kalmyks: an explanatory dictionary]. Elista: Kalm. Book Publ., 1996. 175 p. (In Kalm.)
- Rassadin V. I. Nomadic lexis of Kalmyk language in comparison with Turkish-Meshetin language. The Buryat State University Bulletin. Is. 8. 'Oriental Studies'. Ulan-Ude. 2011. Pp. 83–90. (In Russ.)
- Rassadin V. I. Nomad cattle-breeding vocabulary in Mongolian languages in the light of Turko-Mongolian linguistic relationship. Ural-Altaic Studies. 2010. No. 1 (2). Pp. 32–38. (In Russ.)
- The Great Academic Mongolian-Russian Dictionary (BAMRS). In 4 vol. Edit. by A. Luvsandendev, G. Ts. Pyurbeev, Ts. Tsedendamba. Moscow, Academia Publ., 2002. Vol. 4. 532 p. (In Russ. and Mong.)
- Todayeva B. Kh. [A dictionary of the Xinjiang Oirat language]. Elista: Kalm. Book Publ., 2001. 494 p. (In Oir. And Russ.)
- Tyukhteneva S. P. One hyphen — one hundred: revisiting the issue of livestock count among the Turko-Mongolian peoples. Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanities of the RAS (Oriental Studies). 2017. No. 5. Pp. 130–140. (In Russ.)

